

НАЧАЛО ВОСТОЧНОЙ ИНТЕГРАЦИИ ГЕРМАНСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

И. Ю. Кристов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 23 декабря 2024 г.

Аннотация: рассматривается становление Германской Демократической Республики как формально независимого государства – члена социалистического содружества стран «народной демократии» в дискурсе о несостоятельности инициатив, направленных на соблюдение принципа неделимости Германии в условиях биполярной политической реальности.

Ключевые слова: Национальный фронт ГДР, Совет экономической взаимопомощи, Декларации о дружбе и сотрудничестве с ГДР, ГДР и Восточная Европа, 17 июня 1953 г.

Abstract: the article deals with the formation of the German Democratic Republic as a formally independent member of the «people's democracy» countries. The conclusion is made about the failure of initiatives aimed at implementing the principle of Germany's indivisibility in the conditions of bipolar political reality.

Key words: National Front of GDR, Council for Mutual Economic Assistance, GDR's Declarations of Peace, GDR and Eastern Europe, June 17 1953.

В 1949 г. стал очевидным окончательный провал совместного подхода западных держав и СССР к проведению оккупационной политики на территории Германии, что привело к отходу от достигнутых ранее соглашений о сохранении ее целостности и образованию двух германских государств. Этому предшествовали соответствующие приготовления на оккупированных территориях, которые выражались в законодательных актах, реформах государственной структуры и создании определенного политического климата.

Превалирование просоветской Социалистической единой партии в политической жизни Восточной Германии во многом обеспечивалось деятельностью так называемого Национального фронта, который был образован 16 мая 1949 г. на базе Демократического блока. В свое время Демократический блок объединил в себе практически все крупные политические партии, деятельность которых на территории советской оккупационной зоны была одобрена военной администрацией. 7 октября 1949 г. был принят манифест Национального фронта, в основе которого лежало «национальное сопротивление». Сопротивляться предлагалось перевооружению Западной Германии, импорту американского капитала, американской и британской военной и антисоветской пропаганде. Также подчеркивалась необходимость поддержки рабочего класса в его борьбе за средства существования, на которые опять же посягает империализм [1,

с. 3–7]. Подобные пункты, будучи принятыми за основу, надолго определяли лицо внешней политики ГДР, а также риторику, с которой составлялось большинство государственных актов и деклараций.

15 февраля 1950 г. Национальный фронт принял программу, согласно которой на повестку ставились «воссоединение Германии на демократической основе», «укрепление ГДР», «упрочение дружбы с СССР» и «борьба против империализма». Была поставлена задача по изучению и применению на практике большевистских опыта и методов «руководства органами управления со стороны партии» [там же, с. 68–69]. В действительности это означало повышение роли СЕПГ в экономической жизни страны и взятие курса на внедрение командно-административной системы управления хозяйством. Подчеркивание мирного курса сопровождалось новыми шагами в международных отношениях. Был подписан ряд двусторонних Деклараций о дружбе и сотрудничестве: 23 июня – с Чехословакией, 24 июня – с Венгрией, 22 сентября – с Румынией, 25 сентября – с Болгарией.

Своеобразным мерилом успешности восточной политики и для ГДР, и для ФРГ, на наш взгляд, может считаться развитие отношений с Польской Народной Республикой. Польша была вторым после СССР государством, претендовавшим на большую часть германских репараций. Раздел Германии являлся для нее одной из гарантий собственной безопасности, учитывая, что боннское правительство отказывалось признать границу по Одру-Нейсе в соответствии с международным правом. В этой связи Восточная Германия получила временного союзника, который в

интересах борьбы за признание собственных западных границ выступал против ремилитаризации Западной Германии и международной изоляции ГДР [2, с. 163].

6 июня 1950 г. была принята Варшавская декларация об установленной и существующей польско-германской границе, а 6 июля в ее исполнение подписан договор о демаркации польско-германской границы. Подписанты О. Гротеволь (Президент ГДР) и Г. Дертингер (глава МИДа ГДР) позиционировали себя как общегерманские представители, тем самым давая основания к тому, чтобы после объединения Германии Згожецкий договор не подлежал пересмотру.

Следующим формальным шагом по преодолению разногласий межвоенного периода стало подписание 23 июня 1951 г. Декларации о дружбе и сотрудничестве между ГДР и ЧССР. В данном документе присутствовал пункт о взаимном отказе двух стран от территориальных претензий, связанных с аннексией Судетской области в 1938 г. Напомним, что с 1945 г. президентом Чехословакии Эдвардом Бенешем было ратифицировано свыше 140 декретов, направленных против немцев и венгров, что положило начало ширококомасштабной депортации немцев [3, с. 46]. Речь, таким образом, шла о начале положительного решения вопроса о правовом статусе миллионов граждан.

Между подписанием двух деклараций состоялось вступление ГДР в Совет экономической взаимопомощи (СЭВ), созданный в январе 1949 г. для установления прочных экономических связей между социалистическими странами и в качестве противовеса западному влиянию, распространяемому через «план Маршалла».

С созданием СЭВ сотрудничество между социалистическими странами перестает быть преимущественно двусторонним. Если до вступления в СЭВ ГДР получала ту поддержку от СССР, которая была необходима для придания стабильности режиму СЕПГ и создания предпосылок к успешному социалистическому строительству, то на новом этапе происходит переход к интенсивному многостороннему сотрудничеству ГДР со странами соцлагеря с сфере производства с возрастающим влиянием торгового оборота [4, с. 57]. На 1950 г. доля СЭВ в общем экспорте ГДР составляла 68 %, на 1955 г. – уже 72 % [5]. О. Н. Широков определяет начальный период в развитии СЭВ как «барометр чистоты сталинского социализма и сталинской взаимопомощи» [6, с. 70].

10 марта 1952 г. последовала одна из самых примечательных и дискуссионных попыток советского руководства внести динамику в развитие германского вопроса. Представителям западных держав была передана нота, в которой «союзникам» от лица И. В. Сталина предлагалось немедленно начать раз-

работку мирного договора с Германией, для чего, соответственно, требовалось сформировать общегерманское правительство.

Можно предположить, что сама идея создания правительства в союзе с западногерманскими политическими силами едва ли отвечала интересам СЕПГ, пользовавшейся до сих пор широкой монополией на власть. Вариантом, который мог бы устроить правительство в Берлине и часть политической элиты в Бонне, видится создание конфедерации ФРГ и ГДР, но суть предложения Сталина была не в этом. Так или иначе руководству ГДР, на наш взгляд, пришлось бы смириться с любым развитием событий при условии, что позиции СССР в Центральной Европе не пошатнутся.

Обмен нотами по поводу мирной инициативы не препятствовал тому, что в апреле 1952 г. руководство ГДР приступило к военной реорганизации, в ходе которой впервые был применен термин «национальная армия». Более того, в ответ на снятие Оккупационного статута с ФРГ и создание так называемого Европейского оборонительного сообщества последовало постановление о демаркационной линии между ГДР и «западными зонами оккупации Германии». С одной стороны, в постановлении оговаривалось, что вводимые ограничения будут сняты на время проведения общегерманских выборов, если таковые состоятся, с другой – К. Аденауэр косвенно назывался марионеткой США, а Великобритания и Франция обвинялись в стремлении не допустить подписание мирного договора и объединение Германии [7].

Польза от подобной риторики для решения германского вопроса сомнительна, если только руководство ГДР не имело ничего против ограждения от ФРГ «железным занавесом». В добавок к этому в июле 1952 г. В. Ульбрихт провозглашает, а СССР одобряет курс на «планомерное строительство социализма», что, по мнению А. М. Филитова, делало бессмысленными любые заявления о стремлении к восстановлению единства [8, с. 95].

На начальном этапе режим СЕПГ в своем социалистическом строительстве был предоставлен сам себе. Пока 2 июня 1953 г. руководство СЕПГ не получило от В. С. Семенова набор рекомендаций, разработанных в Москве в связи с ухудшающейся социально-экономической обстановкой в ГДР. Последняя была объективно связана с тем, что реформы проходили в неподходящей для этого конъюнктуре и объективно вели к падению уровня жизни [9, с. 83]. В распоряжении Совета министров СССР «О мерах по оздоровлению политической ситуации в ГДР» говорилось об ошибочности курса СЕПГ на ускоренное построение социализма «без наличия для этого как внутренних, так и международных предпосылок». Ущемление интересов мелких и средних собственни-

ков и частных предпринимателей, коллективизация, политическая и идеологическая работа СЕПГ, даже политика по отношению к церкви – все это подвергалось критике новым советским руководством, что отражало перемены, произошедшие после смерти И. В. Сталина. На руководство СЕПГ возлагалась ответственность за ситуацию с массовым бегством немцев из ГДР [10, с. 55–59].

Руководству СЕПГ предписывалось признать ошибочным курс на ускоренное строительство социализма; прекратить насильственную коллективизацию и распустить кооперативы, созданные «на недобровольных началах»; пересмотреть существующую систему налогообложения для частных предпринимателей; пересмотреть пятилетний план в сторону производства товаров массового потребления; отказаться от неоправданных карательных мер и пересмотреть дела репрессированных граждан с последующим внесением изменений в уголовное право; прекратить политику «грубого вмешательства» в дела церкви и мероприятия, задевающие ее интересы, и в качестве основной формы антирелигиозной пропаганды признать популяризацию научных знаний; признать неправильной пропаганду о необходимости перехода ГДР к социализму, подталкивавшую партийные организации СЕПГ к поспешным решениям в политической и экономической областях [там же, с. 56–58].

Распоряжение пусть и поверхностно, но затрагивало оккупационную политику СССР в Германии. Военной администрации предписывалось устранить те недочеты, которые ранее приводили или могли приводить к ущемлению прав и интересов гражданского населения, а также подчеркивалась необходимость в оказании этому населению продовольственной помощи. Непосредственно внешней политики ГДР касалась рекомендация о налаживании сотрудничества с западногерманскими социалистами для организации выступлений против правительства К. Аденауэра.

Московские рекомендации легли в основу так называемого «Нового курса», который политбюро ЦК СЕПГ разработало и представило общественности в кратчайший срок. Несвоевременность этого шага вкупе с половинчатостью принимаемых мер была одной из причин, по которой руководство страны не сумело снять социальную напряженность. Начавшееся ранее забастовочное движение в скорости разрослось до беспрецедентных масштабов, дойдя до Берлина и до требований об отставке В. Ульбрихта. Итогом стало введение чрезвычайного положения и подавление выступлений при участии советских вооруженных сил, что вызвало сильнейший резонанс на Западе (не заглохший до сих пор, судя по тому, что событиям 17 июня 1953 г. по-

прежнему выделяются целые главы при попытках написания истории ГДР).

Участие советских вооруженных сил в подавлении демонстрации стало поводом для дальнейшего неприятия западными силами советских инициатив по германскому вопросу, на что указывает Б. В. Петелин [11]. Советское руководство было вынуждено переориентироваться на длительное существование двух германских государств и придерживаться курса на включение ГДР в советский военно-политический блок [12, с. 318–320]. Но именно это, возможно, и поспособствовало налаживанию субъект-субъектных отношений Восточной Германии с СССР. В течение последующих нескольких месяцев ГДР получала от СССР все формальные признаки суверенитета. 25 марта 1954 г. было заявлено, что ГДР сможет по собственному усмотрению решать свои внутренние и внешние дела. 7 августа было опубликовано решение об отмене всех приказов и распоряжений СВАГ и СКК за 1945–1953 гг. и об ограничении полномочий Верховного комиссара. 20 сентября 1955 г. был подписан договор о взаимных отношениях между СССР и ГДР, признававший равноправные партнерские отношения. Подчеркивалось невмешательство Группы советских войск во внутренние дела и общественно-политическую жизнь страны [1, с. 647–649]. Насущной необходимостью оставалось создание в ГДР собственных вооруженных сил, поскольку к этому времени ФРГ уже была принята в НАТО, а это означало ее грядущую ремилитаризацию. Говорить же об обретении полной и фактической независимости в случае с обоими германскими государствами не приходилось.

Образование двух германских государств в 1949 г. определенно стало поворотным пунктом в краткой истории «союзных» отношений между странами Запада и СССР. Но это не делало невозможным возвращение к соблюдению Потсдамских соглашений: во всяком случае, с восточной стороны неоднократно звучали инициативы, направленные на сохранение целостности и нейтральности Германии. Однако в период 1949–1955 гг. происходит дальнейшая поляризация с переходом к полноценному блоковому противостоянию, в стороне от которого оба германских государства не смогли остаться. В то время, как для западногерманского руководства курс на сближение с Западом был ключом к скорейшему восстановлению политической силы, советские мирные инициативы все больше расходились с политической реальностью, а после событий июня 1953 г. и вовсе утратили всякий смысл. В этих условиях руководство ГДР могло без особых препятствий (равно как и альтернатив) ориентировать свою внутреннюю и внешнюю политику на длительное существование двух германских государств, связанных друг с другом разве что общим прошлым.

ЛИТЕРАТУРА

1. Отношения ГДР и СССР 1949–1955 : Документы и материалы / Министерство иностранных дел СССР ; Министерство иностранных дел ГДР ; зав. ред. К. Н. Сванидзе. – М. : Политиздат, 1974. – 727 с.
2. Гавриловец Л. В. К вопросу о польско-германских отношениях в 1949–1955 гг. / Л. В. Гавриловец // Современная научная мысль. – 2020. – № 4. – С. 162–169.
3. Кретинин С. В. Массовые депортации немцев после 1945 г. : проблемы исследования и преподавания в российских вузах / С. В. Кретинин // Послевоенная Германия : российско-немецкий опыт и перспективы : материалы конференции российских и немецких историков (Москва, 28–30 октября 2005 г.) : сборник статей / под ред. Б. Бонвеча и А. Ю. Ватлина. – М. : ДиректМедиа Паблишинг, 2007. – С. 45–56.
4. Галкин А. А. СССР, западные державы и германский вопрос (1945–1956) / А. А. Галкин, Д. Е. Мельников. – М. : Наука, 1996. – 265 с.
5. Мираньков Д. Б. Развитие интеграционных процессов в Европе во второй половине XX века на примере деятельности СЭВ и ЕЭС / Д. Б. Мираньков // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. – 2019. – Т. 5 (71), № 3. – С. 132–142.
6. Широков О. Н. Цели и функции СЭВ в начальный период развития / О. Н. Широков // Вестник Чувашского университета. – 2006. – № 3. – С. 64–70.
7. Verordnung über Maßnahmen an der Demarkationslinie zwischen der Deutschen Demokratischen Republik und den westlichen Besatzungszonen Deutschlands // Verfassungen der Deutschen Demokratischen Republik (1949–1990). – URL: <http://www.verfassungen.de/ddr/demarkationslinienverordnung52.htm>
8. Филитов А. М. Германский вопрос : от раскола до объединения. Новое прочтение : монография / А. М. Филитов. – М. : Международные отношения, 1993. – 240 с.
9. Филитов А. М. СССР и ГДР : год 1953-й / А. М. Филитов // Вопросы истории. – 2000. – № 7. – С. 123–135.
10. Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы / под общ. ред. акад. А. Н. Яковлева ; сост. В. Наумов, Ю. Сигачев. – М. : Международный фонд «ДЕМОКРАТИЯ», 1999. – 512 с.
11. Петелин Б. В. Был ли план объединения Европы / Б. В. Петелин // Россия и современный мир. – 2002. – № 4. – С. 162–170.
12. Новик Ф. И. В ловушке холодной войны (советская политика в отношении Германии, 1953–1958 гг.) : монография / Ф. И. Новик. – М. : Институт российской истории РАН, 2014. – 368 с.

*Воронежский государственный университет
Кристов И. Ю., аспирант кафедры новейшей отечественной истории, историографии и документоведения
E-mail: i.j.kristov@gmail.com*

*Voronezh State University
Kristov I. Yu., Post-graduate Student of the Department of Contemporary History, Historiography and Records Management
E-mail: i.j.kristov@gmail.com*